

Любимые поэты

ЛЕВ ОШАНИН

**А у нас во дворе
есть девчонка одна**

Издательство АСТ
Москва

Ветер

Литература — это исповедь,
Под видом исповеди — проповедь,
Для тех, кто ненавистен, — отповедь.
Для всех, кого ты любишь, — заповедь.

Простите меня, ровесники,
Я не знаю, какого я поколения.
В двадцать лет я мечтал написать молодежную песню,
А написал в тридцать пять.
И тогда двадцатилетние люди из разных стран
пели вместе со мной:
«Эту песню не задушишь, не убьешь...»
И они стали моими одногодками.
Я не знаю, какого я поколения...
В сорок шесть я написал другую песню.
Студенты, десятиклассники, ребята из ПТУ, помните —
Вы вместе со мной встречали
И снег, и ветер, и звезд ночных полет...
И стали моими сверстниками.
Я не знаю, какого я поколения —
В семьдесят я полюбил девчонку,
которой было двадцать,
и мне иногда казалось, что она старше меня.
Я не знаю, какого я поколения,
И что со мной будет завтра.
Ровесники, простите меня.

1987

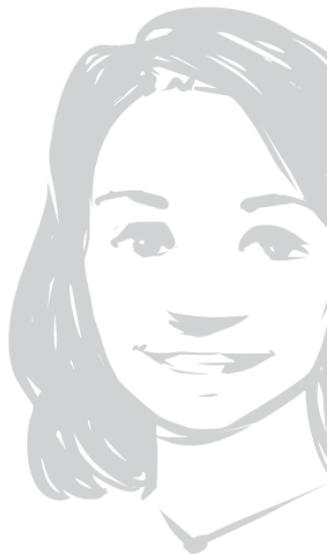
Все мне казалось: молод я пока.
Вдруг оглянулся — позади века.
Тужить ли? Нет. Я делал все, что мог.
Кому умел помочь, тому помог.
А всех никак не обойти дорог,
Всех женщин не обнять, хоть дай зарок,
Не сочинить всех стихотворных строк...
У всех моя дорога на виду —
Хоть по одной, но до конца пройду.

Ветер

Ветер носится по-осеннему,
В его порывах пропала злость.
Играет с лужами и брызжет пеною,
Врываясь весело под гулкий мост.
Трамваи лязгают, колеса хлюпают,
Все звуки новые, в ушах звенит.
Как пальцы, лепятся сосульки хрупкие,
И ветер режет их от рук зимы.
Сосульки падают, зима растаяла —
Осталась лужица, чуть-чуть воды.

А в синь бескрайнюю — зачем,
куда его! —

Из труб торопится лохматый дым.
А ветер носится, а ветру весело.
Обрызгал брызгами и пеной мост.
Из дыма-облака устроил месиво
И с дымом бросился на паровоз.
Вагоны катятся, гремя колесами,
Вагоны катятся, играет сталь.
А ветру весело, а ветер носится,
Накинув на плечи из дыма шаль.

Битва книг

А.А. Фадееву

Солнце стены лучами метит.
Тонет солнечный в утре жар.
Я вчера за стихи в газете
В первый раз получил гонорар.
Строчек старых летят осколки.
Строчек — долгой работы дни!
...Вот открою глаза, и полка
Глянет сбоку углами книг.
Я вчера уложил в порядке —
Вниз «Разгром», а наверх Дюма.
С незаложенной в лист закладки
Тянет золото бахромы.
И, такой почему-то знакомый,
Сквозь нависший над полкой дым
Вижу:

Конный отряд «Разгромы»
Скачет, вздваивая ряды.

Это солнце виденья мечет,
Рассыпает виденья зря.

Вижу:

В гриву вцепился Мечик
И боится ее потерять.
Конь по полке копыта стелет.
Сзади синий стоит туман.
Это взвод атакует Метелицы
«Королеву Марго» Дюма.

Наклонившись вперед немножко,
Левинсон проскакал наверх.
За любовника под обложкой
Герцогиня дрожит де Невер.
И ударили в стекла пули,
Разбивая дворца наряд,
Из кричащих парижских улиц
Левинсоновский встал отряд.
Впереди с головней Бакланов.
И в пожара густую жуть
От баклановской в шею раны
Умер скорчившийся д'Анжу.
Д'Алансона в тумане ловят.
И скрестились, звеня, ножи —
Из презрительных принцев крови
Ни один не остался жив.

Я не видел конца сраженья,
Кровью топот коней залит.
Потонули в пурпурной Сене
Перебитые короли...
А пока в голове без толку
Быстрых мыслей поток стучал,
Книги снова легли на полку
И подставили грудь лучам.
Улиц Франции злобный выгиб!
Битвы красные петухи!.. ...
Хорошо бы еще мне книги
Вот за эти мои стихи.

* * *

Вечерами внезапным блеском,
Что дневной укрывает свет,
Загораются над перелесками
Голубые огни планет.
И на ту, что к Земле всех ближе,
Обреченная красным тлеть,
Я хочу с этой рощей рыжей,
Обескрыленный, улететь.
Ломкий сук под ногой сломался...
И, кивнув на прощанье пню,
На багряную почву Марса
Я поставлю свою ступню.

* * *

Ты улыбнешься, ты спросишь:

«Любишь?»

А я скажу:

«Дорогая, ветер,
Который в губы из губ летал,
Тебе ответит. Тебе ответят
Ромашки, которые я собирал.
Рука, что руку тайком сжимала,
Глаза, которыми взгляд ловлю...
А если тебе и этого мало,
Я никогда не скажу: «Люблю».

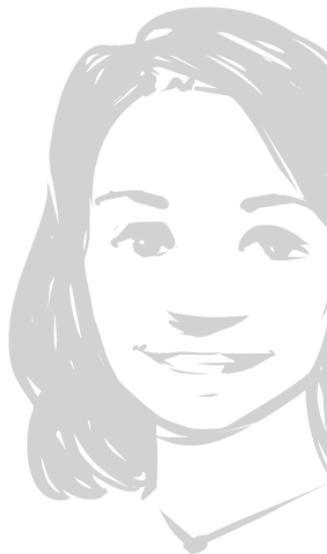

Стихи тебе

Елене Успенской

1

Как хорошо вдвоем, вдвоем
Прийти и выбрать этот дом,
Перо и стол, простой диван,
Смотреть в глаза, в окно, в туман.
И знать, и знать, что мы живем
Со всеми и — совсем вдвоем...
Накличут коршуны беду,
Трубоч затрубит под окном,
Я попрощаюсь и уйду,
Ремень поправив за плечом.
И мы пойдем из края в край.
Но книг моих не убирай
И спи спокойно.
В поздний час
Я постучу в твое окно.
Соленый след морской воды,
Песок и пыль чужих дорог
Я принесу на сапогах.
Я запах боя принесу,
И песню, звавшую на бой,
И сердце, полное тобой.
И встретят в комнате меня
Мои глаза, совсем мои,
И детский теплый запах сна.

Как хорошо, что мы вдвоем
Решили выбрать этот дом,
Перо и стол, простой диван.
В глаза смотрели, в смерть, в туман
И твердо знали, что живем
Со всеми и — совсем вдвоем.

1936

2

Ни на час не расставаясь,
Все делить хочу с тобою —
Пыль далеких переходов,
Шум листвы и плеск прибоя.
Только что могу я сделать,
Если жизнь как поезд скорый.
То тебе леса приснятся,
То моя дорога — в горы.
Я тебя не стану мучить,
Не хочу тебя обидеть.
Может, это даже лучше —
Столько дней тебя не видеть.

1938

3

Не стыдись, к плечу прижавшись тесно,
Вот ты спишь. Как сладко забытье...
До чего тревожно и чудесно
Рядом тело чувствовать твое!

Но чтоб сын ходил, учился в школе,
Чтоб узнал простор, любовь и труд,
С этих первых сладостных минут
Сколько надо времени и боли!

1938

4

Февральский снег заваливает окна.
Не умолкает патефон в углу.
И лыжники, прозябнув и промокнув,
Танцуют на некрашеном полу.
И ты, опять все в жизни перепутав,
Не разобрав, в кого ты влюблена,
Одним даришь часы, другим минуты,
То весела не в меру, то грустна.
А у меня, сквозь снежную завесу,
Ты как-то сразу в сердце улеглась
Всею чистотой и всей любовью к лесу,
Всею глубиной немного грустных глаз.
И вот сейчас, когда со мною рядом
Растет другая маленькая ты,
Как в тот февраль,

любым случайным взглядом

Я узнаю любимые черты.
А ты опять на девочку похожа,
Шумишь, поешь и тянешь в лес опять.
И только, может, холодней и строже
Мужские взгляды стала принимать.

1938

